

АЛЁНА ФЛАРЭ

ФЛАРЭ 3773

Алёна Фларэ

Фларэ 3773

«Автор»

2026

Фларэ А.

Фларэ 3773 / А. Фларэ — «Автор», 2026

Моя жизнь состоит из множества странных событий. Друзья и близкие говорили мне: "Ты ещё не начала писать книгу?". И я написала. Уверена, как минимум один день вы проведёте за интересным чтивом

© Фларэ А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предисловие	5
Начало	6
Первые воспоминания	7
Детство в деревне	8
Начальная школа	11
Первые будни	12
Время в школе	14
Жизнь вне школы	16
Море	19
Новое хобби	21
Подростковое время	23
Шина	25
Поиск своего	27
Юность	30
Старшая школа	31
Актёрские пробы	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Алёна Фларэ Фларэ 3773

Предисловие

Есть многое в природе, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам.

У. Шекспир

Я не настолько популярна, чтобы давать интервью. Но кто остановит меня, если я решусь написать книгу? С такой мыслью я окончательно и твёрдо решаю начать своё повествование.

Эта книга – часть моей биографии. Я не выставляю на публику сокровенное типа интимных сцен, это не эротический роман. Пусть для кого-то она станет моим откровением, а для кого-то будет примером того, что нельзя опускать руки, пока бьётся твоё сердце. Кто-то скажет: «О, я знаю эту девчонку!», кому-то захочется закурить после прочитанного здесь, кто-то скажет: «Подумаешь!».

Имена, которые вы здесь встретите, вымышлены, а некоторые чудесным образом совпадают с реальными. В написанном нет ни капли выдумки, хотя, временами будет казаться наоборот. Я начала писать эту книгу в 37 лет, отсюда и первая половина её названия.

Спасибо за внимание и в добрый путь по страницам моей памяти!

Начало

Июль 2025. Солнце стремительно встаёт около 4 утра, окна в доме напротив отражают его ослепительный свет. Хорошо, что новые шторы почти не пропускают лучи. Пока лежишь неподвижно, можно подумать, что уже ничего не болит. Можно подумать, что наступил тот самый день, про который сказал Анатолий: «Однажды проснётесь и не почувствуете боли».

Не сегодня. Остаётся смириться, прочитать «Отче Наш» и провалиться в сон. Это всегда помогает, после этого я засыпаю мягко и незаметно для себя самой. Как долго продлится сон? Всегда по-разному, он всегда глубокий, сюжеты цветные, сразу после пробуждения я могу легко перечислить все предметы, людей, сезон и все цвета, которые там были. Большинство забывается к середине дня, иначе можно сойти с ума. Снова просыпаюсь, необходимо согнуть колени... Сохраняю спокойствие, делаю выдох, есть..., вдох. По моей личной шкале сегодня боль средняя. Теперь выбрать на правый или левый бок лечь. На левом будет неудобно правой руке, на правом – точно будет больно ключицу, под запястье готова мягкая игрушка – овечка, подаренная маме около пятнадцати лет назад. Я купила ее в одном из секунд-хендов, во времена их настоящего расцвета – чудесные времена, когда от ассортимента разбегались глаза, когда цены были низкими, а качество высоким.

В нашей комнате после недавнего ремонта светлые современные обои, новый мягкий светлый ковер, лёгкий полумрак. Не нужно вставать по будильнику, рядом спит кот, он здоров и мама, вроде бы, тоже. Счастье? Да. Только бы ушла боль... Я не помню и уже не понимаю, как живется без неё.

Лежа на боку не получится заснуть глубоко и, хотя бы на полчаса, это всё же спасение, когда спина устает и зад становится тяжёлым. Потом я поворачиваюсь обратно на спину и можно уснуть. Тем временем во дворе начинается утренняя суeta: прилетают чайки, чтобы осмотреть помойку, повозмущаться и даже подраться (их бурная деятельность совершенно не мешает, я люблю птиц), рабочий класс заводит свои автомобили (раздражает, но не слишком), дворников с газонокосилками нет (о, счастье), голуби еле слышно возятся в траве, воробьи чирикают о своём и тоже не мешают. В прошлом году во дворе спилили одно из больших деревьев и ворона, которая несколько лет подряд жила в гнезде и выращивала птенцов, больше не прилетает. Больше не слышно её уверенного и редкого «кар». Она была немногословна и очень умна.

Первые воспоминания

Поздний вечер, наша семья готовится ко сну. Мама и папа постелили себе на полу, а меня положили на диван. Детская кроватка еще была или уже нет? Это единственный момент, когда я помню их вместе. Отец ушёл, когда мне было 2 года. Так говорят.

Ещё помню момент, как я научилась вылезать из кроватки. Алгоритм действий сам по себе пришёл в голову по мере развития. Надо подойти к бортику, просунуть стопу в деревянную решетку, поставить ногу на мягкий подлокотник кресла, стоящего вплотную к кроватке, вторую ногу перекинуть через бортик, встать ей на кресло, перекинуть первую ногу, и я на свободе. Сползти с кресла не составляло никакой сложности.

В три года я научилась читать, первым словом было «факты», его показывали крупным планом по телевизору. Помню, как мама меня похвалила, она очень-очень обрадовалась. До школы лучшим подарком для меня были книги. Я обожала читать, любила комиксы как все дети, у меня было несколько выпусков «Утиных историй» Уолта Диснея и большой цветной альбом со сказкой «Белоснежка и семь гномов», в которую можно было вклеивать картинки. Наклейки продавали поштучно, и по тем меркам недёшево, отчего у меня их было мало и заранее нельзя было узнать, какое изображение внутри. Иногда случались повторы, меняться наклейками мне было не с кем, и я наклеивала их одну на другую. Очень берегла все подарки, книги, журналы, игрушки, кукол, их одежду, посуду, мебель. Одежду для кукол часто вязала мама по моделям из журналов, рассчитывая масштаб с человеческих мерок на «Барби». В те времена так называли всех кукол, подходящих под размер настоящей американской Барби. Каждый раз я с нетерпением ждала обновку, мы примеряли её на разные куклы. По началу их было две: русская Кристина и латиноамериканка Грета. Позднее появилась красавица с волосами до пят. Из журналов мы вырезали овощи, фрукты, красивые блюда для моей игрушечной кухни, я накрывала стол для кукол, они ели, разговаривали и строили планы на день. Как у взрослых. А ещё у меня был розовый автомобиль, кукла Барби в него не помещалась, и он просто катил по ковру под мои восторженные «Мерседес бенц!!». Не уверена, был ли это именно «мерседес», он не сохранился... В начале 90-х годов во многих квартирах часто встречались одинаковые предметы интерьера, посуда, различная кухонная утварь, мебель и мелкая фурнитура типа дверных ручек. В нашей комнате на полу долгие годы лежал полосатый синтетический ковёр пшеничного цвета. Ворс у него был петлеобразный и лёгкий в уборке, а узкие ярко-красные и зелёные полосы визуально увеличивали пространство. От бабушки из деревни когда-то привезли шерстяной половик, все цвета на нём до сих пор хорошо сохранились. Сейчас, спустя почти сорок лет, он лежит в общем коридоре на этаже перед квартирами и вряд ли кто-то задумывается, сколько он пережил.

Детство в деревне

В детский сад я не ходила ни одного дня в своей жизни, за этот выбор я всегда благодарна маме. Тяга познавать мир, учиться читать, писать, считать – всё это родилось как бы вместе со мной, внутри меня, и я во многом опережала сверстников. До школы большую часть времени я жила в деревне с бабушкой и дедом. Мне запомнились снежные русские зимы, жар от печи, доброта и уют. Печь топили берёзовыми дровами, дед приносил их понемногу из поленницы с улицы. Поджигали бересту, а потом клали в печь в центр дров, жёлтые языки пламени становились больше и больше, огонь заворачивал и согревал.

Вдоволь напрыгавшись по сугробам с дедом и собакой, мы спешили в дом, где всегда царили мир, чистота, сытость и, конечно, любовь. Ставили валенки у печи, фуфайки складывали на горячие камни сверху, они высыхали и согревались, а мы собирались за столом. Рядом на стуле дремала кошка.

Я всегда высыпалась на огромной перине, как принцесса. В самой дальней комнате, где спала я и бабушка, у кровати на стене висел плюшевый ковер, я обожала разглядывать фрагмент за фрагментом. На гвоздике посередине висела балалайка, иногда по утрам я просила снять её, чтобы попробовать играть. Беспорядочный задорный звон струн веселил меня. Комната была очень светлая, с пятью окнами, три из них выходила на палисадник и дорогу, а два во двор к главным воротам и калитке. Между рамами зимой лежала белая вата, похожая на снег, её украшали веточками с ягодами рябины. Узорчатый белый тюль из хлопковых ниток, какого сейчас не найти, и хлопковые портьеры украшали каждое окно. На полу в этой комнате лежали тканые бабушкой половики, а поверх них большой ковёр. Напротив кровати стоял шкаф, одна половина из дерева запиралась на ключ. В том отделе хранились недоступные ребенку вещи – лекарства, из-за которых мне не нравился запах в этом отсеке, документы и какие-то ещё предметы. Во второй стеклянной половине стояли хрустальные вазочки, разноцветные фарфоровые сервизы, которые использовались на больших праздниках. В ящиках лежали фотоальбомы в красивых бархатных обложках. На плотных картонных листах прикреплены черно-белые снимки с людьми, о которых рассказывала бабушка, пока я листала альбомы и разглядывала лица. Под некоторыми фотографиями в стихах описывались события или люди, создавалась биографическая история. Некоторые фотографии пожелтели от времени, но бабушку и деда я узнавала везде. На этом же шкафу сверху стоял дедушкин баян, он был очень тяжелый для меня, но иногда я пыталась нажимать на кнопки и растянуть мех. Так я познавала мир музыки и инструменты. В другом углу стоял платяной шкаф из светлого лакированного дерева, а в углу между оконных рам была деревянная этажерка, украшенная кружевными салфетками, с иконами на верхних полках и ящиками внизу.

Бабушка и дед прожили всю жизнь вместе, родили дочь и троих сыновей, младшим из которых и был мой отец. А я была единственным ребенком у мамы и папы и самой младшей среди двоюродных сестёр и братьев. После развода моих родителей отношения мамы и её свекров не изменились, я неизменно оставалась на попечении бабушки и деда, нежилась в их абсолютной любви и заботе. У деда был талант катать валенки. Все родственники, а особенно дети, к каждой новой зиме получали в подарок по новой паре. Несколько раз я видела его за работой, мне не нравился запах мокрой шерсти, и я вскоре убегала из комнаты. Помимо этого, он умел делать свой собственный сыр. Позднее, во взрослой жизни, похожий вкус я встречала лишь однажды. Его рецепт был уникален. В свободное от домашних дел время он любил играть со мной в карты. И всегда выигрывал. Я злилась до истерики, не понимая, почему всегда уступаю, а он лукаво глядел на меня и посмеивался, довольный собой, аккуратно складывая карты в стопку. С домино и шашками ситуация была не сильно лучше – я ненавидела проигрывать,

раз за разом оказываясь «сопливым козлом» в финале домино или «адмиралом» в картах. Бабушка меня жалела и приговаривала: «Сошлись старый да малый!».

Отдельным событием был поход деда за пенсией и в сельский магазин. Он наряжался в самую лучшую рубашку и брюки, брился, душился одеколоном, надевал пиджак и шляпу, смотрелся в зеркало и гордился собой. Да, он был красив, высок и совсем без лишнего веса. Мы с бабушкой ходили в магазин и на почту намного чаще и не придавали этому большого значения. Однако, эти походы всегда означали встречи с соседками, обсуждения всех сфер жизни. Пока бабушка отдыхала, сидя и общаясь, я подолгу разглядывала прилавки и продавца, одновременно слушая разные истории.

Ежедневная работа в огороде, на скотном дворе и в доме мне тоже нравилась. Меня приучали к труду без насилия, криков и команд – всё было интересно и познавательно. Я с радостью помогала во всём, что было под силу маленькой девочке. Однажды попробовала доить корову. Когда стадо вернулось с поля, наша корова по обыкновению стояла в загоне в ожидании вечерней дойки. Мы с бабушкой взяли большое ведро, чистую тряпку и теплую воду. Сначала нужно ополоснуть и протереть вымя, чтобы в молоке не было травы или соринки. Хвост коровы бабушка привязывала к ноге, чтобы та не била им, отмахиваясь от насекомых и не мешала нам её доить. Со стороны всегда казалось, что дело лёгкое, но, чтобы подоить корову, нужно прилагать силы, давить правильно, не травмировать животное и добывать молоко быстро. Мои маленькие ладошки не были к этому готовы, но принцип я усвоила быстро и в последствии у меня стало получаться. Однажды, позабыв бабушкины советы, я подошла к корове сзади слишком близко, и она лягнула меня, угодив по коленке. Это больно, очень больно, хоть и обошлось без серьёзных травм. Иногда днём корова оставалась дома, гуляла под открытым небом в загоне или уходила в стойло. У невысокого деревянного забора я могла видеть её целиком. Наша дружба основывалась на её спокойном характере и моей любви кормить её с руки свежесорванным сочным листом лопуха. Помню, как она смотрела огромными тёмными глазами и, потихоньку захватывая лист с краю, зажёвывала его всё больше и больше, показывая огромный светло-розовый язык. Жданка – так её звали, всегда выделялась из стада неторопливой походкой и крупными размерами. Она шла, покачивая толстыми черно-белыми боками и головой с внушительными рогами. И всё же она была очень доброй, никогда не вступала в конфликты с другими коровами и всегда уверенно шла точно к своему дому. Жизнь по коровьим меркам у неё была долгой. Когда подошло время, нужно было сдавать её на мясокомбинат, потому что, как объяснял мне дед, потом может быть поздно и старое животное никто не примет. Давать молоко она вскоре перестанет или оно будет непригодным для питья и производства продуктов, а просто кормить её совсем невыгодно. В деревнях так делали всегда, это жестокая правда сельской жизни... Мы горевали по ней, как по члену семьи.

В те времена водились и свиньи, их огромные бело-розовые спины и морды с маленькими глазками пугали. Мне строго-настрого запретили заходить к ним – они могут укусить или даже съесть маленького ребенка. Разreshалось смотреть через деревянное ограждение, как они чавкают над корытом со свежей кашей, хрюкают и толкаются.

За то, мои отношения с курами не контролировал никто, я могла щедро насыпать им отборного зерна из бочки, где пшеница предназначалась только для помола муки. Пару горстей можно было умыкнуть абсолютно без последствий. Куры и петухи быстро приучились узнавать во мне кормилицу и всякий раз, когда я выходила к ним на лужайку около крытого загона, любопытно поглядывали на мои руки. Они склоняли головки то влево, то вправо, прикидывая, стоит ли ждать угощения. Но, здесь у меня был свой интерес. Я мечтала погладить птичку. Однажды, во время игры с ними, я заметила, что в заборе две палки стоят слишком близко друг к другу, и, когда какая-нибудь курица слишком торопилась от меня удрать и не рассчитывала размеры своего тела, застревала аккуратно между этими палками. Тогда я, довольная, как опытный птицелов, подходила, аккуратно освобождала дрожащую от страха курицу,

успевая погладить её по спинке. Тёплые блестящие пёрышки приводили меня в полный восторг. Да, я не была отягощена жалостью и интеллектом, хотя старики предупреждали меня, что от страха куры могут прекратить кладку яиц, заболеть и умереть. Ничего из этого не происходило, и целое лето птицы терпели меня, играя в догонялки взамен на вкусное зерно. По вечерам бабушка и я ходили к насесту собирать яйца. Некоторые куры любили особенные места, пряча дары глубоко в солому. Бабушка знала их повадки и учила меня всему, что умела сама.

Начальная школа

Нельзя назвать моё детство абсолютно беспечным, однако, до школы у меня было намного больше свободного времени. Несмотря на это, к своей первой в жизни «линейке» мама и бабушка с дедом подготовили меня очень хорошо. В пример многим, я бегло читала, неплохо считала, базовые знания у меня были равны как минимум второму классу. Мама хотела, чтобы я училась в гимназии, на вступительных летних испытаниях мне давали задания на проверку моего уровня. Мне не очень понравилась атмосфера в тех стенах, излишняя строгость пугала. Какое-то из заданий я выполнила с ошибкой, и нам отказали. Мы подали документы в обычную среднюю школу. Здесь так же были вступительные проверки, только намного мягче и легче. Мне хотелось попасть в класс с музыкальным уклоном, где чаще преподавали музыку. Учитель прослушивал каждого нового ученика по отдельности, чтобы ребенок не стеснялся других. Зайдя в кабинет с мамой, я смутилась до ужаса, покраснела до корней волос – передо мной на стуле сидел мужчина средних лет. Так получалось, что мы будто одного роста. Рядом стояло пианино. Ряды с деревянными стульями для учеников нестандартно для других классов возвышались один над другим, как в концертных залах. Здесь пахло как-то по-особенному, деревом, покрытым лаком. Солнце проникало сквозь темно-желтые шторы, было очень уютно, и в то же время очень страшно. Я боялась открыть рот. Чужой дядька, такой открытый и располагавший к себе, почему-то напугал меня одним только взглядом. Он рассматривал меня, а когда я сказала, что приготовила песню Татьяны Булановой «Лайнер приземлился», очень удивился и широко открыл глаза. Обычно дети в этом возрасте исполняли что-то в роде «В лесу родилась ёлочка». Спела я почти без запинок, но голос так дрожал и дрожала я сама, что учитель, терпеливо дослушав сказал, что лучше нам пойти в обычный класс, где уроки музыки несомненно будут. Он был очень удивлён выбору такой взрослой песни, я понимала смысл, но в силу возраста не могла передать всей драмы. Очень скоро я убедилась: что ни делается, всё к лучшему. Наш обычный «Б» класс был освобождён от бесконечных репетиций концертов ко всем известным праздникам в актовом зале. По «музыке» в четверти и за год красовалась уверенная пятёрка, я обожала уроки у Михаила Анатольевича, сидела в первом ряду и напротив его стула. Часто смущалась, но впитывала всё, что он говорит. Одна из первых отвечала на вопросы, хотя в первое время было сложно побороть скованность и поднять руку. Хорошо запоминала тексты песен и настроение, которое нужно передать в песне. Услышав звонок с урока, мы никогда не срывались с места и не бежали в коридор, учитель быстро приучил нас дожидаться традиционного прощания – он включал песню «Машины времени» «В добрый час» или что-то из изученного на только что прошедшем уроке, вставал, затем вставали мы, он открывал дверь и с улыбкой провожал нас под звуки музыки.

Пожалуй, только это время в школе доставляло мне такое удовольствие, без намёка на неудачу или нежелание там появляться. Напротив моей фамилии были и «четвёрки» по музыке, но они скорее ставились для разнообразия и вообще не напрягали меня.

Первые будни

Школа погасила блеск в моих глазах. Это было видно по первым фотографиям за партой. Я ненавидела режим и ранние подъёмы. Уроки начинались в восемь утра и длились аж шесть дней в неделю. В субботу ставили мало уроков, но прогуливать их не могло даже прийти в голову. Хорошо запомнился разворот дневника с заполненным на неделю вперёд расписанием. Собираться и ехать было настоящим испытанием. Также я ненавидела опаздывать, автобус ходил четко по расписанию, а значит, всё зависело только от меня самой. Первый месяц школы, когда мама была вынуждена работать сутками в больнице, меня передавали бабушке по маминой линии. После уроков я обязана была явиться к ней. Она работала на почте неподалёку и была городской жительницей, что, несомненно отличало её от моих деревенских бабушки и деда. В этом отделении я была знакома почти со всеми, мне разрешалось достать любой понравившийся журнал или самую свежую газету – бабушка доверяла мне и знала, что я не испорчу чей-то экземпляр. По центру помещения стоял большой шкаф с ячейками насквозь – так раскладывали письма, открытки, журналы, газеты и уведомления по адресам. Позже каждый почтальон забирал их на свой участок и разносил по домам. Их сумки были огромными и тяжёлыми, в любую погоду нужно выполнить свою работу. Такая установка была в то время, у почтальонов не было автомобилей, они преодолевали большие расстояния на собственных ногах.

На почте бабушка всегда припасала для меня что-нибудь вкусное: булочку, печенье или конфеты. Она экономила ради меня, если кто-то её угощал. Она была очень доброй, невероятно совестливой, долг перед обществом и начальством, казалось, был важнее всего остального, даже собственного здоровья. Много раз она приходила на работу с высоким давлением или температурой и выдерживала полный рабочий день, после которого и дома не знала отдыха. Но я не любила ездить к ней домой, чтобы переночевать. С ней жил мужчина, который постоянно курил в квартире. Он был настолько ленив, что даже не выходил для этого на балкон. Дедушкой я никогда его не называла – у меня просто язык не поворачивался, наша неприязнь была взаимной. Он иногда глядел на меня и с лёгкой издёвкой задавал общие вопросы. Меня возмущало его поведение, а именно наглость эксплуатировать женщину, которая и так работала целый день на ногах. Бабушка суежилась на кухне, готовя ужин для всех, а он только делал одолжение, медленно переместившись из комнаты с дивана на табурет за кухонным столом. Позднее он настолько обленился, что не выходил из комнаты даже на кухню – бабушка носила еду ему в комнату. Физически он был здоров, выкуривал не меньше пачки сигарет в день. Он не был добрым, не был как будто и злым. Скорее, равнодушным, что страшнее, потому что из этого состояния человека вывести практически невозможно. Это его суть – она служанка, а он не хочет и не может помогать, держа в голове только холодный расчёт, как устроить безбедно свою собственную жизнь, ничего не отдавая взамен. В огромной трёхкомнатной квартире было очень много места, но в силу их такого образа жизни, мы никогда не приходили туда с мамой и не оставались на ночь или даже погостить. Квартира буквально была захламлена, нуждалась в свежем ремонте и в первую очередь потому, что едкий табачный дым пропитал абсолютно все вещи. Однажды в мебельном магазине мы с мамой увидели чудесный модуль для детей, состоящий из кровати, шкафчиков, письменного стола и полок для книг и игрушек. Он идеально мог вписаться в мою собственную отдельную комнату, о которой я могла только мечтать.

В сентябре погода балует теплыми днями, называемыми «бабьим летом». Мне нравилось выходить и смотреть на всё вокруг с незастеклённого бабушкиного балкона – девятый этаж был для меня головокружительной высотой. Дети, бегающие под окнами внизу, казались букашками. Любопытные голуби приземлялись очень близко на крышу – только руку протяни. Во

двор меня тянуло не очень – я почему-то чувствовала себя чужой и не хотела здесь заводить новых друзей. По ночам мы с бабушкой спали в одной комнате – я подолгу не могла заснуть от её сильного храпа. Часто у неё сильно болела голова и поднималось давление. И, несмотря на это, она покорно шла на работу. Этот человек, живущий с ней, значившийся мужем по паспорту, ничего не предпринимал, чтобы оставить её дома и как-то помочь.

Утром в школу нужно было подняться ещё раньше, чем дома – дорога из другого района занимала больше времени. На завтрак меня ждал бутерброд с ледяным сливочным маслом из морозилки и ненавистный кусок чёрного горького хлеба. Конечно, бабушка кормила чем-то ещё, но это утреннее воспоминание пережило все остальные.

Время в школе

Моя первая учительница – Галина Андреевна – золотой и великий человек. Она неустанно прививала нам любовь друг к другу, правильные жизненные позиции. Если кто-то дрался, она всегда находила слова и разнимала мальчишек так, что они или не дрались больше совсем, или не могли злиться подолгу друг на друга. Её большой жизненный и преподавательский опыт ценили в школе и ученики, и родители, и коллеги. В теплое время года мы часто устраивали пикники на природе, большинство родителей присоединялись тоже. Каждый из дома приносил еду, получалась огромная дружная семья. Галина Андреевна неустанно готовила конкурсы и соревнования, и мы все вместе весело проводили время. Когда на улице становилось неуютно, выходные и праздники переносили в стены школы, а точнее, в родной кабинет. Каждый из нас готовился заранее, девочки – платья, мальчики – костюмы. Помимо этого, мы объединялись в группы, репетировали сценки, номера с танцами, стихами и песнями. Родители накрывали на стол. Кто-то из родителей был фотографом, благодаря ему альбом полнился с каждым новым праздником или вылазкой на природу.

В классе, казалось, ни у кого не было открытой вражды. Была конкуренция, конечно. И разная успеваемость по предметам, как в каждом классе. Первое время нам не ставили оценок по пятибалльной шкале, вместо них мы получали вырезанные из бархатной бумаги солнышки, тучки, листики – в зависимости от того, насколько хорошо подготовились к уроку или выполнили задание. Поначалу мне было очень легко учиться, новое я схватывала налету, часто тянула руку вверх первой и активно участвовала во всём. С лучшей подружкой мы делили парту, бутерброды и конфеты, принесённые из дома, и, конечно, первые секреты. Когда на фоне конкуренции, кто круче, умнее и красивее мы забывали о дружбе, в ход шли ногти. Обе с поцарапанными руками, мы приходили домой. И здесь была большая разница – её защищали, а меня нет. И это было очень обидно. Особенно, когда однажды её мама пришла в школу и попыталась нас воспитывать, выгораживая при этом её. За мной никого не было. В душе боролись обида, желание высказать всё и строгое воспитание мамы, которая учила не вступать в перепалки, «быть умнее» и молча уходить. Это было не в моём характере, я давала сдачи, хоть и знала о последствиях. Если дойдёт до родителей, я наверняка буду наказана, а её в очередной раз пожалеют, даже если на людях немножко пожурят. Она была из состоятельной семьи и к тому же, у неё были папа и мама. Я брала верх в другом – мои знания и грамотность были выше, очень скоро я научилась закрываться на контрольных и диктантах, чтобы списать было невозможно. И, тогда, она злилась на меня, получала «хорошо» вместо «отлично», рыдала, будто это конец света, а я тихо радовалась своей честно заработанной «пятёрке» и гордо несла её домой. В такие дни мы ссорились или не совсем не разговаривали. Её родители часто появлялись в школе, особенно мама. Своим влиянием она добивалась для дочери самого лучшего отношения. Это видели и понимали все. Каждый родитель хочет для своего чада всё самое лучшее, но иногда это было слишком. Учителя балансировали между нами, стараясь никого не обидеть, чтобы свести к минимуму поводы для ссор.

Однажды на новогоднем балу нас ставили парами мальчик-девочка, чтобы мы дружно пошли в спортзал, где уже ждали новогодняя ёлка, дед Мороз и Снегурочка. Каждый класс выводили из своего кабинета нарядным строем, в воздухе витал праздник и ощущение волшебства. Каждый ребенок готовил дома нарядный костюм, девочки не скупились на блёстки и мишуру. Когда после моей небольшой перепалки с подружкой, кто пойдёт первым, учительница подошла, взяла меня за руку и поставила первой вместе с Ромкой, симпатичным одноклассником, я не просто радовалась – я торжествовала. Мне казалось это вполне справедливо, моей подружке и так достаётся многое и просто так. У неё было шикарное белое атласное пла-

тье, как у настоящей невесты. Расшитое бисером и пайетками, со множеством пышных юбок, с длинными кружевными рукавами. Когда Дашка садилась на стул, пышная юбка платья занимала оба соседних. Конечно, её наряд был королевским и затмевал, казалось, любой другой. Я хвасталась красивым платьем Золушки на балу и маленькой аккуратной золотистой короной. Этот костюм шила моя мама. Платье было не таким пышным, но со вкусом расшитым блестящими бусами, с кружевным воротничком и накрахмаленным подъюбником, который придавал верхней юбке объём, как у настоящей принцессы. Атласные ленты переливались в свете огней. Нам было по семь лет от роду, наверное, со стороны родителей наши драмы не казались такими великими.

В начальной школе на уроках по труду мальчиков и девочек ещё не разделяли. Нужно было только перейти в другой кабинет. Нас рассаживали вперемешку, не так, как мы привыкли. Меня, отличницу, почему-то часто садили с неумелым мальчишкой или откровенным двоечником. Пока я разбиралась с медлительностью одного или неумной энергией другого, урок подходил к концу. Конструктор из металлических деталей с кучей винтиков не был собран, совместные работы не удавались вовсе. Как итог, мы получали «тройку», с которой я не могла смириться и запросто пойти домой. Мне влетит, несомненно. Я – отличница и низкая оценка по «труду» будто моментально обесценивала все мои пятёрки. Мама не понимала, сколько я ни пыталась объяснить, что не виновата. Такие оценки были настоящей бедой для неё. Я ревела сразу после урока, ревела дома, а потом изо всех сил пыталась перекрыть плохую оценку отличной. Все три класса начальной школы я всё равно оставалась круглой отличницей, гордостью класса и учителей.

Отношения с физкультурой у меня складывались почти на «ура». Я обожала активности, зимой нас выводили на улицу, учителя заранее накатывали лыжню вокруг спортивной школьной площадки или вокруг здания школы. В отдельном помещении по соседству со спортзалом хранились лыжи, палки и ботинки. Мы спешили переодеться и выбрать самую подходящую экипировку, а потом один за другим вставали на лыжню. Кататься мне очень нравилось, особенно, когда я освоила небольшой подъём и спуск на лыжне. Можно было выбирать – объехать снежную горку или приложить немножко усилий, взобраться и потом весело скатиться с неё. После нескольких кругов, потные и счастливые, мы бежали в столовую подкрепиться. Когда солнце хорошо прогревало воздух и асфальт вокруг школы, нас часто выгоняли на пробежки и эстафеты на улицу. Я ненавидела бег на скорость, особенно на большие дистанции. Пропустить урок не представлялось возможным – всё равно будет пустое окно вместо оценки и бег когда-нибудь всё равно придётся сдавать. Лучше всех у меня получались упражнения на меткость, хорошенько сосредоточившись, не спеша, я могла попасть в лунку без единой промашки. В спортивном зале нас учили лазить по канату, играть в волейбол – всё это я просто обожала.

Не смотря на «лихие девяностые», известные огромными задержками зарплат, нехваткой всего и вся, в столовой мы были очень избирательны. Будто эти проблемы нас не касались, дома всегда была разнообразная еда. Из деревни привозили молочные продукты, мясо, птицу, выпечку, бабушка в городе помогала деньгами, мама с удивительным умением экономила, но в то же время покупала вкусные и разные продукты. Отец не помогал и не считал нужным этого делать. В школьной столовой ценились горячие булочки, пряники, печенье и чай. Каши и супы почти никто не ел. Однажды, прибежав с урока в столовую, я заметила, что сегодня дают только какие-то ягоды на хлебе. Они очень напоминали красную костянку, которую я собирала с мамой или бабушкой в лесу. Я развернулась и со всей брезгливостью и недоумением успела рассказать об этом многим одноклассникам. Поднос в тот день остался почти нетронутым. А на первом же родительском собрании после этого Галина Андреевна поинтересовалась, чем питаются дома дети. Это были не ягоды, а настоящая красная икра. Однажды. В школе, в детской столовой.

Жизнь вне школы

В течение первого класса мой названный брат и я ездили в бассейн учиться плавать. В деревне был водоём, но уверенно держаться на воде я научилась только на тренировках. Меня смущали душевые и раздевалки для девочек, они напоминали общественную баню без возможности переодеться в одиночестве. Это был самый неприятный момент, неизбежный в начале и в конце занятия. Вода мне очень нравилась, в группе занимались дети примерно одного возраста с разницей до трёх лет. Некоторые девчонки казались очень взрослыми и от того очень крутыми, они носили модные купальники на красивых фигурах. Девушка-тренер со свистком на шнурке через шею стояла на краю бассейна и давала различные упражнения с плавательной доской или мячом. Позднее, освоившись, мы плавали без поддержки разными стилями. До бассейна нужно было добираться на автобусе. Зимой окна замерзали, в душе застывал страх пропустить свою остановку ранним морозным утром. К нашей остановке пассажиров в салоне почти не оставалось, и когда брат пропускал тренировки, мне было особенно страшно проехать бассейн. Я научилась запоминать объекты неподалёку от здания бассейна, и, если водитель не говорил в микрофон, подходила к выходу заранее, надеясь, что меня заметят и остановятся где нужно, не пропуская пустых остановок. В таком возрасте мы ездили одни и это не было чем-то необычным. К тому же, после первого месяца в школе, я уже могла самостоятельно ездить в автобусах по знакомым маршрутам. Мама покупала мне проездной билет на каждый месяц, самое страшное было потерять его или забыть дома и сесть в автобус. Деньги на проезд водились не всегда и просто это не принято в нашей семье. В бассейне у меня не было крепкой дружбы ни с кем, мы просто приходили на тренировки и учились плавать, а потом расходились по своим делам.

С малых лет мне нравилась самостоятельность, когда знаешь, куда идти и что делать, не чувствуя за собой контроля. В первом классе школы мне было разрешено попробовать ночевать дома одной. Никаких проблем с этим не возникло, и дальше я сама, возвратившись из школы домой, разогревала себе еду, утром по будильнику вставала и ехала в школу. Уроки я всегда учила самостоятельно, без помощи мамы или бабушки. Войдя во вкус, я наслаждалась одиночеством дома вовсю. Научилась варить любимые спагетти, а потом, щедро полив их кетчупом, садилась есть и смотреть мультфильмы или телепередачи для детей. Начальная школа давалась почти всегда легко, домашние задания выполнялись быстро и без труда. Помимо этого, если утром не нужно идти в школу, на мне значилась домашняя уборка. Успеть нужно было до прихода мамы с работы.

С рождения, если не считать времени в деревне, мы с мамой жили в городе в общежитии. Соседями были семьи с близким по возрасту детьми. Раньше комнаты здесь выдавали семьям водителей автобусов, коим был мой отец какое-то время. А ещё он работал в аэропорту, в штате наземного обслуживания самолётов. Он ушёл в другую семью, а мы вдвоём остались жить здесь. Двор наполнялся веселым детскими голосами, собирались мои ровесники и дети на два-три года старше или младше меня. Мы обожали игры на свежем воздухе. Летом дотемна бегали во дворе и за домом. Мячи, палки, кирпичи, скакалки – в ход шло всё, что выносили из комнат или находили во дворе. Нас было очень много, в четырёхэтажном здании почти у всех были дети. Моими лучшими друзьями я считала Светку из комнаты напротив и Стёпку с нашего этажа. Вечером перед сном мы собирались в общей ванной комнате на этаже на чистку зубов. Менялись зубной пастой, брызгались водой и разбегались по комнатам, если кто-то из взрослых делал нам замечания. Со Светкой мы слегка порезали пальцы до крови и, прижав их друг к другу, поменялись кровью, став сёстрами. Наш ритуал мы придумали сами и считали его серьёзной сокровенной тайной.

С ней же весной меряли лужи мамиными резиновыми полу сапогами. Здесь было соперничество – кто дальше зайдёт, не допуская воду через край сапога внутрь. В-общем, дети «девятилетних» развлекались вовсю.

Со Стёпкой наша дружба отличалась. Всё-таки он мальчик, его добрые и справедливые родители воспитывали Стёпку строго и в то же время мягко. Он рос настоящим мужчиной, на которого можно положиться. Это было видно даже в наши юные годы. Я часто приходила к нему в гости, родители включали нам аудио сказки, пока мы играли на ковре в настольные игры. У него был настоящий виниловый проигрыватель и пластинки. Особенно мне запомнилась сказка «Рикки-Тикки-Тави». Во дворе он научил меня добывать огонь через лупу с помощью солнечных лучей, сделал мне настоящий лук и стрелу из палок и верёвки. Наш клад мы прятали в кустах или в укромных местах в общежитии, где, по нашему мнению, их никто не мог найти. Я была любопытной, любознательной и симпатичной девчонкой, и мы не слишком чувствовали разницу полов, играя во всё подряд. Мы и дрались, конечно. Стёпка получал за это сполна от родителей, так как «девочек бить нельзя». Их окна выходили во двор аккуратно над детской площадкой. Домашний арест на неделю был жутким мучением для него, пока я свободно гуляла под окнами, да ещё успевала его дразнить. Особенно летом. Он грозился, что разберётся со мной, когда выйдет, я только смеялась в ответ. Я знала, что он получит от родителей вновь, если обидит меня. И всё-таки, наша дружба была крепкой и настоящей. В общих дворовых ссорах мы всегда защищали друг друга словом и делом.

В нашем доме жил мальчишка-забияка, он постоянно искал повод для драки или ссоры. В один из вечеров он постучал в нашу комнату, я не открыла ему и велела убираться, крикнув в замочную скважину. В ответ он стал плевать на мою дверь и пинать её ногами. Моего терпения хватило на несколько минут, я взяла у входа грязный ботинок, открыла дверь, размахнулась и угостила его каблуком где-то около глаза. Он завыл и убежал прочь. Оказалось, я рассекла ему бровь. Удивительно, меня за это не наказали. И может быть, этот шрам он носит до сих пор.

В первую неделю летних каникул за мной приезжали из деревни дядя с дедушкой, иногда их сопровождала и бабушка. Одной поездкой они решали вопросы в городе и забирали меня на всё лето к себе. В то время не было сотовых телефонов, я очень-очень ждала узнаваемого сильного стука в дверь. В деревне веселья было нисколько не меньше, приезжали дети из города, добавляясь к деревенским. Получалась огромная компания. Помимо развлечений, меня ждал огород с прополкой овощных грядок и посильные домашние дела. Я с охотой выполняла их, помогая старикам. Мы ухаживали за скотиной, птицами, работали в огороде.

Становясь старше, я освоила стирку половиков щёткой и мылом. Мне очень нравилась разница «до» и «после», когда результат труда очевиден. В палисаднике перед домом росли деревья – рябина, две черёмухи, сирень и мелкие кустарники. Одна черёмуха росла под уклоном, опираясь стволом на забор. Я научилась залезать на неё до середины, удобно устроившись на развилке между веток. Когда поспевали ягоды, можно было лакомиться ими, пока летний ветер качал меня на дереве. К дому под крышей дед подцепил скворечник, который ремонтировал каждую весну. В него каждый год прилетали чёрные скворцы, вили гнездо и выращивали птенцов, а потом улетали. По вечерам я и бабушка сидели за деревянным столом в самой большой комнате. Стол стоял между оконных проёмов, улица с заходом солнца быстро темнела. Над столом на стене висели большие часы с кукушкой, они тикали, если их кто-нибудь заводил и громко били, будто в большие колокола. Из-за этого ими не пользовались. Иногда я просила бабушку «поворожить» на картах. У нас хранилась всего одна колода игральных карт, в неё играли, с её помощью и гадали, это считалось простой забавой перед сном. В те часы дед уже крепко спал в своей комнате, на тихой деревенской улице наступала ночь.

Мама приезжала в деревню так часто, как могла, особенно пока я была маленькая. В начальной школе дети учат таблицу умножения. Моя мама хотела, чтобы к очередному учебному году я уже выучила её. Я воспитывалась в строгости, к её приезду мне обязательно было

на зубок знать несколько блоков. «Скоро начальник-то приедет!» - беспокоилась бабушка. Она знала, что мне влетит, если я не успею. По утрам, после завтрака, я садилась за стол и повторяла таблицу умножения до тех пор, пока не запомню её наизусть. Вскоре приезжала мама и проверяла меня. К бабушке и деду у неё не было претензий, со всей строгостью спрашивалось только с меня. Бабушка и дед защищали меня, как могли, но я знала, что рано или поздно придётся возвращаться в город и жить жизнь по маминым правилам. Я научилась балансировать между этими двумя такими разными мирами, с полярными методами воспитания. Мама часто наказывала меня ремнём. Я ненавидела эти сцены, мне было обидно до глубины души, что я просто не в силах дать сдачи – мне страшно от того, что после этого станет ещё хуже, а сбежать просто некуда. Пожаловаться кому-то означало усугубить конфликт. Я ревела, потом молчала и тихо ненавидела белый ремень с двумя чёрными полосками. И дала себе чёткую установку: я вырасту и больше никто и никогда не тронет меня без моего согласия. Ремень висел в шкафу и вызывал лишь одну ассоциацию – скандал и боль. Такую бурю дома вызывала любая мелочь, например, детский проступок в виде мелкой лжи. Я могла скрыть, что гуляла во дворе на улице в её отсутствие, а меня «сдавали» кто-то из доброжелательных соседей, но чаще это были бабули, сидящие внизу на вахте. Или если ей казалось, что я огрызаюсь. Я мгновенно становилась «папашиним отродьем, лживым существом», мама отчаянно лупила меня ремнём, я ревела и инстинктивно закрывалась руками. Это ужасное постыдное воспоминание вряд ли когда-то забудется навсегда. Потом меня ждало следующее наказание: молчание и игнорирование моей персоны, которое могло длиться неделями. Нарушалось оно только в присутствии гостей. Когда дверь закрывалась, и мы оставались вдвоём, молчание тяжело висело в воздухе. Утром в школу она будила меня, молчаливо толкая в бок. На уроках я появлялась с опухшими от слёз глазами, но поделаться с этим ничего было нельзя. Прогулять уроки незаметно было невозможно. На некоторых фотографиях особенно видно мои отёки, но фотографа приглашали только в определённые дни. Отказаться также не представлялось возможным – всё оплачено наперёд. Откуда-то в школьном коридоре появлялись куклы ростом с первоклассника, нас по очереди ставили рядом, усатый фотограф направлял объектив, и через пару недель мы получали свежие снимки в альбом. Бабушка и дед знали, что я бываю так жестоко наказана, но разговоры с мамой ни к чему не приводили. Однажды она сказала: «Мой ребёнок, что хочу, то и делаю!». Дед возразил ей, пригрозив забрать меня насовсем, но этого не случилось, все помирились и потом конфликты возникали только дома, в городе. Других родственников это будто бы не касалось. Мамины подруги и соседи делали вид, что не знают об этой проблеме, хотя часто бывали у нас дома. Никто не хотел ввязываться, а я придумывала новые темы, чтобы заговорить с мамой и тем самым вернуть мир в наш дом, но у меня не получалось. Все попытки тут же разбивались о ледяное молчание и её взгляд в сторону. Модель отношений, где я всегда и наверняка плохая и виновата, прочно устоялась между нами.

Море

Летом, после окончания первого класса, я узнала, что мама, её подруга и мой названный брат, который уже закончил второй класс, поедет на море. Как странно, я не помню радости от этой новости. Я не слишком представляла себе поездку, о море читала в книгах и видела волны по телевизору. Ехали на поезде, об этом в моей памяти почти ничего не осталось.

В Анапе, курортном городе на черноморском побережье, мы поселились в частном доме на одной из улиц, вдоль которых росли деревья алычи и что-то похожее на ежевику. Спелые жёлтые плоды и фиолетово-чёрные ягоды падали прямо на тротуары. Иногда, пока взрослые не видят, мы с братом подбирали и ели их. Дом состоял из нескольких частей, образуя кольцо из построек, внутри которого получался общий двор. В одной из них мы арендовали две комнаты, в других жили туристы из далёких неизвестных городов России. Мне запомнилась только одна девчонка сильно старше нас. Она с родителями приехала из холодного Мурманска. Мы часто встречались по утрам за завтраком на веранде. Климат и растения отличались от привычных нам, с утра солнце пекло вовсю. От обжигающих лучей центральную площадку со столами и скамейками защищала металлическая сетка, на которой зеленел виноград, он рос, обвивая решётку и создавал приятную тень.

Тётя Оля, мама моего брата, купила воздушного змея. Оказавшись на пляже, мы пускали его по сильным потокам южного ветра. Змей пытался оторвать леску и улететь далеко, но мы крепко держали его по очереди. По дороге на пляж мы покупали мороженое, такого не было в нашем городе. Толстая шоколадная глазурь не успевала таять – мы очень быстро справлялись, оставляя на память палочки с необычным рисунком. Море мне очень нравилось, волны вызывали восторг, мы визжали, бегали и прыгали по горячему песку. У нас была хорошая подготовка к воде – почти год тренировок в бассейне, и мы совсем не ощущали страха. Однажды, взяв надувной спасательный круг, мы отплыли слишком далеко от берега, фигуры наших мам стали маленькими, пирс с толстыми столбами, уходящими в воду, закончился. Мы перепугались, нас уносило в море и этого будто бы никто не замечал, хотя отдыхающих в воде было очень много. Из всех сил мы гребли к берегу, оба сильно испугавшись, договорились, что не расскажем о случившемся взрослым. Наверное, именно в тот день я сильно обгорела. Ночью поднялась температура, кожу жгло и любое прикосновение приносило боль, спать на спине я не смогла. Сметана, кремы и таблетки опоздали, спустя пару дней кожа на спине и плечах начала облезать огромными кусками. Я чесалась и, главной наградой и удовольствием стало, если кто-то обдирал остатки моего неудачного загара, заодно снимая жуткий зуд.

Пролетело несколько дней на море... По вечерам мы гуляли на набережной, солнце садилось прямо в воду, на улицы быстро опускалась ночь. Незадолго до отъезда мы посетили местный рынок, где продавали разнообразные продукты, одежду, игрушки и сувениры. В одной из палаток я увидела куклу. В прозрачной розовой коробке, как в витрине магазина, она красовалась в блестящем костюме русалки. Густые светлые волосы ложились мягкой волной, длиною до самого хвоста, голову украшала блестящая корона. Рядом крепилась розовая расчёска и три блестящих заколки на липучках. Костюм сшит из мерцающей бирюзовой ткани. Под обтягивающим хвостом у куклы были ноги, а значит, это настоящая Барби из рекламы, можно шить ей костюмы и наряжать её в любую одежду. Разумеется, я захотела её и больше ничего на свете. Мама купила мне этот подарок, в поезде я иногда доставала коробку и любовалась своей новой красавицей, боясь дышать на неё. Дома, в городе, Светка и другие девчонки с нашего этажа очень скоро узнали об этом – я с гордостью вынесла её в коридор только похвастаться и следила, чтобы никто не испортил наряд или куклу. Девчонки восхищались и завидовали.

Кто-то просил дать её поиграть, кто-то цокал и называл куклу дешёвой подделкой. А я просто была счастлива.

Новое хобби

Начинался второй год учебный год в моей жизни. Свежий ремонт в привычном классе. За лето все мы немного повзрослели и изменились. Вне школы каждый находил занятия себе по душе. Тех, кто не мог определиться, направляли родители. Дашка занималась балетом, но присоединиться к ней я не могла. Их абонемент был самым дорогим в Доме творчества юных. К тому же, костюмы и пуанты нужно покупать самостоятельно. И, по словам педагогов, в восемь лет начинать карьеру в балете поздно. Мы с мамой пришли в самом начале учебного года, я выбирала кружок, читая на доске расписание разнообразных занятий, а потом ходила по классам и залам. Уроки фортепиано или скрипки мне не нравились – я представляла себе девочку, одетую в белую блузку и черную юбку или брюки, этакую умницу-отличницу, и становилось тоскливо. Режим в школе сменялся бы на ещё более строгий. В балет поздно, а на сцену меня уже тянуло. Чистый спорт не привлекал тоже. От кружков вязания, шитья и прочих спокойных занятий клонило в сон. Так же я не хотела снова в бассейн, научилась плавать, воды не боюсь – этого мне достаточно. Нужно что-то захватывающее, новое, где будет вызов телу и душе, где будут гореть глаза и тренировки всегда будут в радость. И я нашла такой кружок. В ДТЮ он занимал половину спортивного зала, на второй половине занимались карате. Мой выбор остановился на эстрадной акробатике. Недостигаемый потолок, большие зеркала, станок для растяжки и упражнений как у балерин, шведские стенки с одной стороны зала и огромный упругий ковёр-мат для групповых занятий. Здесь объединялось всё, о чём я мечтала. Мы побеседовали с тренером, она проверила меня на гибкость и приняла к себе в группу. Жизнь заиграла новыми красками. Каждое занятие я очень старалась, некоторые девчонки легко садились на шпагат – они начали заниматься на несколько лет раньше меня и уже могли многое на хорошем уровне. От природы у меня очень гибкий позвоночник – я могла легко свернуться в кольцо или встать на мостик и очень гордилась этим. Однажды в зоне для легкоатлетов положили несколько прямоугольных матов и огромный надувной круг, он походил на водный спасательный, только в несколько раз больше. Здесь мы учились делать сальто назад. Отбросив страх, я выполнила его с первого раза. На подстраховке стояла наша любимая тренер. Она похвалила меня, а я, лучась счастьем, летела домой с новой победой за плечами. Вожделенный шпагат давался сложнее, никак не получалось дотянуть несколько сантиметров. Я не сдавалась. Надежда Анатольевна, мой тренер, видела моё упорство и всегда умела подбодрить и дать совет. Благодаря ей моя выдержка и терпение только возрастали, внутренний стержень и уверенность в собственных силах становились сильнее с каждой тренировкой. Она учила побеждать свою собственную лень, учила упорству и не сдаваться, если потерпела неудачу. Это помогало и в жизни за пределами зала, в сложных ситуациях я не пасовала перед сложностями, а только преодолевала препятствия.

Прошло два года. Начальная школа закончилась, наш класс перепрыгивал из третьего в пятый. Мы прощались с детством насовсем, оставляя позади любимый кабинет, учителей и нашу любимую Галину Андреевну. В новой жизни нас ждали другие правила, к нам относились иначе, был назначен новый классный руководитель. На каждый предмет нужно было ходить в новый кабинет к новому учителю. Мы привыкали ко всему и сразу. Из привычного остался состав нашего класса, не было новеньких, и никто не уехал. На фотографии с первого сентября мы с Дашкой вновь за партой, обе красивые в новых костюмах, с причёсками, немного испуганные, но с ожиданием новых событий.

Разница между третьим и пятым классом была огромной, как пропасть. Добавилось много новых дисциплин, приходилось привыкать к каждому учителю, быстро понимать и улавливать подачу материала, приспосабливаться к каждому предмету. Былая лёгкость улетучи-

лась в первый месяц обучения. По математике, как бы я ни старалась, преобладали четвёрки. Мама переживала и упрекала, что я «не тяну», от этого я чувствовала себя постоянно виноватой. Только тренировки на акробатике приносили мне то счастье, что было в самом начале. Я занималась с огромным удовольствием. Тем временем в школе добавили историю древнего мира. Не смотря на прекрасного учителя, я уже понимала, что могу поставить в приоритет тренировки и не выполнить «домашку».

Подходили новогодние праздники, в ДТЮ каждый коллектив готовил номер для сцены. У нас это был танец с акробатическими элементами. На одной из финальных тренировок мы надели пошитые для выступления костюмы и отрабатывали последние недочёты. Для меня был подготовлен красный обтягивающий комбинезон из эластичной ткани. Счастье, сцена, праздник так близко! Я добила желаемого и скоро буду выступать! А по истории пятёрки сменяли двойки, в итоге за четверть выходила чистая тройка. Я или успевала подготовиться на отлично, или умудрялась не принести ничего и получала жирную двойку прямо в журнал. Скрывать дневник долго не получилось. Моё падение быстро вскрылось, мама запретила мне посещать тренировки. Она перестала за них платить и велела мне учиться, если на большее я не способна.

У мамы был очень странный подход к моему воспитанию, я недоумевала, как можно быть такой строгой и одновременно покупать мне самое лучшее, на что только хватало денег. Она старалась изо всех сил, но между нами не было душевного тепла и доверия. Я возненавидела школу, нашу добрую и справедливую учительницу истории и всех, кто помешал мне идти к своей мечте. Бабушка по маминей линии только покачала головой и поддерживала маму. С этой трагедией я оставалась один на один. Надежда Анатольевна заметила моё отсутствие сразу и дважды приходила к нам домой, чтобы поговорить с мамой. Маловероятно, что ей удалось бы уговорить маму разрешить мне вновь заниматься. Это был единственный шанс, которому не суждено было случиться – оба раза мама работала в больнице, а я сидела дома одна и учила уроки, была в очередной раз наказана домашним арестом. Поговорить откровенно мне не давал страх, что мама разозлится ещё больше. Я не разжигала конфликт, чтобы не сделать для себя нахождение дома невыносимым. Выходить можно было только в школу. Вот и всё. Я исправила все двойки на пятёрки, но обозлилась внутри себя, пообещав себе и обидчикам, что повзрослею и всё равно буду заниматься тем, что мне действительно нравится. В пятом классе за год вышла только одна четвёрка - по математике. Хорошая успеваемость не приносила мне никакого удовлетворения. Я выполняла требования быть прилежной ученицей, как робот. От меня ожидалось отличные оценки – я приносила их, нужно сделать уборку дома – я выполняла, подготовиться к празднику – я накоплю денег из тех, что давали на карманные расходы, и куплю подарок маме. Мне искренне нравилось радовать её тем, что она не покупала себе, но хотела иметь. В глубине души я надеялась, что однажды мы станем лучшими друзьями и дом станет крепким тылом, но этого не происходило. Однажды мама оставила на моём столе журнал, в котором была статья с заголовком «Хочу другую мать». Она хотела, чтобы я прочла её вновь. Содержание статьи уже было мне известно. Это рассказ одной девочки-подростка, которая жила со строгой холодной матерью. Отношения между ними были очень похожи на наши. В диалоге с интервьюером девочка сказала, что дома есть всё для жизни, но нет любви. Мама ждала, что я тоже признаюсь в своём несчастье, но я знала, к чему это приведёт и выдержала проверку.

В начале лета я с удовольствием уехала в деревню. Друзья из двора в общежитии тоже разъезжались кто куда, проведя в городе несколько дней лета.

Подростковое время

Лето в деревне проносилось очень быстро. На каникулы задавали большой список литературы для подготовки к следующему году в школе. В этих заданиях чувствовалась навязанность, и чтение не приносило былого удовольствия. Чем больше прочитаешь летом, тем легче будет в школе. Нагрузки и количество уроков увеличивались с каждым месяцем. В деревне большая компания понемногу начала разделяться на небольшие группы по интересам, девчонки стали встречаться с парнями, и те, кто постарше нас, вовсю ходили ночью на свидания. Привычные игры и веселье оставались позади, мы понемногу выросли. Вечерами собирались около сельского клуба или возле чьего-нибудь двора на лавочке. В компании всегда кто-то из парней играл на гитаре и пел. На дискотеках кипели первые интриги, события бурлили не хуже, чем в бразильских сериалах, популярных в те годы. Энергии с лихвой доставало и на ночные гулянки, и на труд днём. Бабушка и дед не сомневались в моём благоразумии, отпускали гулять и знали, что я ничего не натворю.

Однажды летом, когда я ещё жила в городе, с работы домой позвонила мама. Телефон был один на первом этаже, по срочным вопросам дежурившая бабушка-вахтёр приходила в комнату и звала вниз. В тот день маме предложили путёвку в детский загородный лагерь. Я не знала, что меня ждёт, но согласилась поехать. Детей собирали группами и увозили на больших автобусах. Такой шанс простой семье выпадает нечасто – я отправилась в самый современный лагерь, он стоял среди соснового леса, неподалёку от города. Во всех корпусах сделан свежий «евро» ремонт: старые деревянные окна поменяли на новые с пластиковыми рамами, в комнатах стояли новые двухъярусные кровати, новые шкафы, пол покрывал свежий толстый линолеум, в общих залах стояли новые кресла и диваны. Душевые кабинки и вся сантехника сияли чистотой и новизной. О таких условиях мы могли только мечтать. В двенадцать лет я впервые оказалась в абсолютно новых условиях. Здесь не было близких взрослых, не было ни одного знакомого среди детей. Только несколько знакомых врачей из больницы, где работала мама. На осмотре они легко узнавали меня, ведь с малых лет я приходила к маме на работу и могла сутками находиться с ней. Тогда казалось, что эта привилегия – быть хорошо знакомой всем врачам – досталась мне одной.

В нашей комнате стояло всего три кровати, итого, на шесть человек. По тем меркам это было шикарно. Мы быстро познакомились между собой. Распорядок дня состоял из нескольких походов в столовую, днём вместо сна можно было выбрать досуг в виде компьютерного класса, игр на свежем воздухе. Почти каждый день на уличной сцене устраивали конкурсы, игры и состязания. По вечерам дети собирались в общем большом зале в жилом корпусе и смотрели фильмы. Перед отъездом домой смена традиционно закрывалась вечерне-ночной дискотекой. Одной такой поездки мне хватило чтобы понять, как устроена жизнь в лагере. В моём случае бытовые условия были намного лучше, чем в других лагерях, но отношения между подростками оставались как везде. Мы объединялись в небольшие группы, симпатизировали одним и воюя с другими. Случались стычки, переходящие в драки, ссоры, споры и обиды. Мы старались не вовлекать взрослых в наши разборки, но вожатые всё равно видели будто насквозь, кто на что способен. Я не была плохим ребёнком, не покупала тайком пиво и сигареты в сельском магазине, сбегая через дырку в заборе. Мне было неинтересно поскорее испробовать взрослые радости. Днём я посещала кабинет информатики, потому что дома у меня не было своего компьютера, а здесь можно было узнать много нового и научиться обращаться с электроникой. После этого я бежала на футбольное поле, чтобы позаниматься на свежем воздухе. Дневной сон казался мне невыносимым и бесполезным.

За одну-единственную смену в лагере я успела проткнуть стопу ржавым гвоздём, выиграть конкурс на самую длинную косу, к выпускной дискотеке нажить друзей и врагов и наловить самых настоящих вшей. Свежий ремонт не обезопасил никого от обычной участи в те годы. Стоило одному ребёнку привезти с собой этих паразитов, как подушки и одеяла становились опасными для всех окружающих. Может быть, кто-то из врачей проглядел и допустил ошибку. Дома мы легко устранили эту проблему. Больше в лагерь я не хотела, намного ближе моей душе оставалась привычная деревня.

Шина

К седьмому классу школы Дашка перешла в гимназию, её родители считали, что средняя школа не даст хороших результатов для будущего. У моей городской бабушки и Дашкиной мамы остался нерешённый финансовый вопрос, который косвенно отражался и на нашей с Дашкой дружбе. Мы редко обсуждали это, пока учились вместе, но в воздухе висело недопонимание, мы становились взрослыми и конфликты взрослых понимали лучше, чем раньше. Высокомерие её семьи никак не уживалось с моим восприятием мира, с моими моральными принципами. Мы отдалялись друг от друга с каждым днём. В итоге наша связь оборвалась, мы не стремились общаться.

Первого сентября после торжественной линейки все разбрелись по домам. В тот день светило солнце, ехать в свой район не хотелось. Мы с мамой решили погулять по центру города и зайти на городской рынок. Внизу между лотками с одеждой, портфелями, обувью на все случаи жизни и всякой всячиной выделяли специальный участок, куда все желающие приносили щенков, котят и других питомцев на продажу. Как обычно, я пошла просто полюбоваться милыми зверушками. Заводить кошку или тем более собаку мама не разрешала. Мы жили в одной комнате в общежитии, в некоторых семьях были кошки, но мне такое счастье было недоступно.

У одной из женщин на коленях играл маленький котёнок, похожий на облачко. Это была девочка, породы серебристая персидская шиншилла. Она затмевала своей красотой всех котят и щенков вокруг. Мир перестал существовать, важным остался только этот котёнок. Во что бы то ни стало, я решила маму уговорить купить мне кошку. Я умоляла о покупке, я была готова отказаться от всех земных радостей в виде новой одежды, рюкзака, от всего, чего угодно, только бы обрести счастье в виде пушистого друга. Не знаю, сколько прошло времени, мама согласилась. Впоследствии она говорила, что у меня поменялся даже цвет лица, когда я увидела эту кошку. Хозяйка рассказала нам о режиме кормления, об уходе, мы рассчитались, и я, от счастья, не чувствуя земли под ногами, прижала к себе живой голубоглазый комочек. У меня теперь есть кошка. В тот день я не вышла вечером во двор, мне не хотелось ни на секунду покидать свою любимицу. «Вот, теперь Алёнка не одна!» - радовалась бабушка, приехав из деревни к нам в гости. Котёнку было дано английское имя Шина. С ней совершенно не случилось никаких проблем, я ухаживала за ней, как обещала. Когда она подросла и потребовала жениха, мы решили, что котята будут в радость всем. Мы нашли кота этой же породы, и я много раз в жизни самостоятельно принимала у неё роды. Хозяйка нашего жениха была крупной заводчицей с опытом, она рассказала мне, что делать, когда у кошки начинаются схватки. Я хорошо запомнила теоретическую часть, и потом почти десять лет была кошачьей акушеркой у своей Шины. Детки получались очень милые и здоровые, на пару месяцев дом превращался в маленький зоопарк. Котята росли и развивались, наблюдать за этим было гораздо интереснее, чем бегать во дворе или смотреть телевизор. По мере их взросления, в рацион добавлялись сырое мясо и каши, которые я училась готовить сама. Маленькие хищники сразу понимали, что к чему, их острые молочные зубки впивались в сырые кусочки. Котята смешно урчали, держа «добычу» в зубах, а в играх с матерью учились охоте и гигиене. К семи-восьми неделям от роду их всегда раскупали. Прощание с ними давалось легко, ведь со мной неизменно оставалась моя Шина, у нас сразу возникла тесная невидимая связь и крепкая дружба. Я любила её больше всех на свете, с уроков спешила домой, заботилась, играла и разговаривала с ней. Постоянный тесный контакт с ней делал меня счастливой. Пока я выполняла домашнее задание, она любила залезть на мой письменный стол, всем видом показывая, что ей хочется залезть в ящик. Я вынимала учебники, тетради, линейки, оставляя ей всё свободное место, она запрыгивала в ящик и могла там играть с собственным хвостом или спать, пока я пишу и занимаюсь уроками. Она так же

считала меня своим самым близким другом, чувствовала настроение, утешала, садясь рядом, мягкой лапкой прикасалась к моей щеке и всматривалась в глаза своими огромными желто-зелёными глазищами.

Поиск своего

В школе у меня появились новые связи. С уходом Дашки в новую школу я крепко подружилась с другой одноклассницей, одновременно примкнув к другим девчонкам, с которыми раньше общалась намного реже. Образовалась добрая компания, мы доверяли друг другу, поддерживали и давали списывать без ненужной конкуренции. Гонка за хорошими оценками продолжалась только для мамы, её строгость не растворилась с моим уходом из акробатики. Я искала способы самореализации вне школы. Остро не хватало самовыражения. На школьных фотосессиях и любительских снимках я старалась по-разному позировать, насмотревшись показов из мировых модных домов, из журналов по рукоделию, которые покупала мама. Я часто появлялась в вязаных обновках, они были эксклюзивными, аккуратно связанными мамой по схемам. Иногда мне казалось, что некоторые вещи не подходят мне по возрасту и намного лучше смотрятся на взрослых красотках европейской внешности, позирующих в журналах. Втайне я мечтала стать моделью и оказаться однажды на обложке, только в нашей провинции это казалось невероятным и неисполнимым желанием. В выходной день по телевизору я увидела рекламу о наборе в школу моделей в столице. Агентство искало новые лица по всей стране, нужно было рассказать о себе и приложить несколько фотографий. Я отправила письмо практически без надежды на ответ. Москва казалась недостижимой и только для тех, у кого есть связи и деньги. Письмо ушло обычной почтой на абонентский ящик агентства, прошло много времени, и я уже забыла об этом. Как вдруг, в один из обычных дней, когда я вернулась с уроков, дежурная на вахте вручила мне конверт с логотипом того самого модельного агентства. Это был ответ с тёплым приветствием. В письме говорилось, что профессия модели не такая лёгкая, как кажется на первый взгляд, в нём отражали все плюсы и минусы такой карьеры. Честность и искренность написанного подкупала. Внизу стояла аккуратная подпись директора. К письму прилагалась анкета, её просили заполнить и отправить письмо вновь. Приятная неожиданность длилась недолго, я безусловно гордилась тем, что мне ответили. Но, взвесив все «за» и «против», я решила ничего не отправлять – всё равно Москва мне не светит, впереди самые трудные учебные месяцы и годы, нужно выбирать реальную профессию. Таких, как я – тысячи. Поговорив с мамой, я убедилась, что потрачу время впустую, теша себя ложными надеждами. Я не считала себя особенно красивой, скорее, было много амбиций и странное чувство, что я не такая, как все. Мне никто не прививал это, внутри себя я ощущала, что мой путь будет отличаться от многих других.

Одна из моих соседок по общежитию занималась танцами, похожими на боди-балет. Я решила присоединиться к ней и попробовать себя. Зал находился не так далеко, и, если автобус приходил вовремя, мы не опаздывали на тренировки. Пешком такой путь пролегал через частные дома, где не всегда можно было пройти безопасно. Из некоторых дворов могла выскочить злая собака, в дождливую погоду тротуары покрывала вода, так что этот участок мы старались избегать. Через пару месяцев мне откровенно наскучили такие занятия. Перспектива выступления в местном доме культуры, где мы и занимались, не вызывала никакого восторга. Некоторые девчонки курили за зданием после тренировок, я чувствовала себя глупо, не вписываясь в такую компанию. Добиться чего-то большего здесь было невозможно. Будто упёрлась в стену и дальше некуда идти. Нужно искать в другом месте, а это пора оставить.

Жизнь в школе теряла краски, не принося никакой радости, кроме общения с некоторыми одноклассниками. С моей лучшей подругой мы старались садиться вместе на каждом уроке. Были исключения, когда нас намеренно рассаживали, чтобы мы сосредотачивались на уроках, не болтая и не обсуждая шепотом дела поважнее. В расцвет переходного возраста поля школьных тетрадей и последние страницы превращались в просторы для творчества. Мы

рисовали, тайком передавали во время урока листочки с посланиями друг другу. Взросление неумолимо брало верх над любой дисциплиной. Только на уроках русского языка и литературы за нами велась жесточайшая слежка. И она убивала. Преподавателем была строгая женщина, настоящий диктатор. Она вмешивалась в личную жизнь, при всём классе задавала вопросы, на которые не хотелось бы отвечать даже наедине. Опустив очки на кончик носа, она подходила к девочкам и всматривалась, есть ли косметика на лице. Если она замечала тушь на ресницах, негодовала и могла специально вызвать к доске. Разглядывала одежду, оценивала целиком внешний вид. Ей жутко не нравилось, что я крепко дружу с девочкой, которая была ярче и взрослее всех из нашего класса. Все нападки на неё со стороны этой учительницы ни к чему не приводили. Она пыталась вызвать её маму на разговор о том, что взрослеть рано, что так ярко краситься нельзя, но каждый раз получала вежливый отказ и бесилась ещё сильнее, не в силах повлиять на ситуацию. Тогда она взялась за меня. К её предметам я готовилась безупречно, придрататься крайне сложно. Прознав, что мне нравится парень из старших классов, она схватила за эту новость, как за попытку наставить меня на путь истинный. По её мнению, в нашем возрасте мы должны интересоваться отличной учёбой и ничем больше. Когда она стала замечать тушь на моих ресницах, она вызвала мою маму на разговор. В кабинете остались мы втроём. Я сидела и чувствовала себя как узник, которому сейчас вынесут самый страшный приговор. Учительница беседовала с мамой об опасениях, что девочка дружит не с теми, о возможных последствиях такого влияния. Мама часто была уверена в своей правоте и правоте кого угодно, но только не моей. Она приняла сторону учительницы, всерьёз поверив, что я поддаюсь внешнему влиянию своей подруги. Разговоры о парнях и о чувствах в принципе дома были неуместны. Я должна хорошо учиться, не высовываться, не создавать проблем. Учительница прекрасно понимала, каково мне, и что будет после этой «благотворительной» беседы. Я старалась ни на кого из них не смотреть, мне было мерзко и противно от её испепеляющего взгляда и от мыслей, что дома меня ждёт беседа похлеще и новые ограничения. Хотелось раствориться в воздухе, навсегда оставив их со своими взглядами в том кабинете. Чистом и отмытом до блеска, но таком тяжёлом по энергетике, ничто здесь не помогало чувствовать себя комфортно. Осенью, перейдя в девятый класс, мы узнали, что эта учительница ушла работать в другую школу. Праздник без преувеличения был у всех учеников, кто хоть однажды бывал на её уроках. На смену пришла совсем другая женщина. Она работала в нашей школе и раньше, но в наших классах не преподавала. И это было подобно глотку свежего воздуха. С нас спрашивали знание материала и требовали дисциплины, но в то же время уважали личные границы. К нам относились, как к равным, это вызывало уважение и доверие и впоследствии любовь, а не страх.

Зимой по радио объявили кастинг на местную «Фабрику звёзд». В это время по телевизору гремело реалити-шоу с одноимённым названием. Молодые парни и девчонки жили и развивали вокальные и танцевальные навыки на глазах у всей страны, на первом канале. Моё поколение росло на этих выпусках, практически у каждого из нас в «фабричном» доме были свои любимчики. На переменах в школе мы яростно обсуждали их каждый отчетный концерт. В нашем городе появился уникальный шанс прикоснуться к сцене и, возможно, засиять новой звездой. Я, как и раньше, любила петь, но после неудачного прослушивания перед начальной школой и постоянной критики мамы закрылась внутри себя и перестала это делать публично. Оставаясь дома одна или пригласив Светку, свою подружку-соседку, я включала магнитофон или телевизор. Мы пели и танцевали по очереди, поднося ко рту расчески, бутылки с лаком для волос, будто это микрофон. Ко времени кастинга Светка сменила место жительства и на сцену вообще не стремилась. Моя лучшая школьная подруга тоже не рассматривала сцену как продолжение жизни. Я уговорила её пойти со мной на кастинг. У меня было несколько вариантов песен, я никак не могла остановиться на одной конкретной. Сидя в очереди, я в голове перебирала множество вариантов. Все тексты и мотивы я знала наизусть, оставалось только

выбрать. Сильное волнение подступило лишь когда до моей кандидатуры оставался один человек в очереди. Полумрак в коридоре концертного зала добавлял всему происходящему таинственности. В кабинете, где проходил кастинг, свет был неярким. Я вошла, напротив двери сидели трое человек: две девушки и мужчина с седой бородой и усами. Я вцепилась взглядом в него, его стул стоял посередине. Из всех сил пытаюсь подавить волнение, я исполнила песню и уже не надеялась на хороший исход. Желающих попасть на «Фабрику», пусть и местного значения, оказалось очень много. Одна из девушек сразу отказала мне, а мужчина, изучая меня, улыбался. Его выражение лица было лукавым и в то же время добрым. Он отметил, что у меня хорошая пластика и я могу хорошо выглядеть на сцене. Он пригласил меня в свой кружок, где преподавал актёрское мастерство. Это был Бодров Юрий Сергеевич, актёр нашего драматического театра, народный артист России.

Так начались занятия в драматическом кружке. Приближался новый год, наша труппа готовила сказку «Двенадцать месяцев». Как положено, Юрий Сергеевич организовал два состава, мы выступали по очереди все праздники, а после собирались на капустнике. Мне досталась роль капризной принцессы. На капустнике Юрий Сергеевич хвалил меня, сказав, что я отлично справилась с задачей. Он вспоминал наши выступления и по-доброму смеялся. В нашем коллективе царила прекрасная атмосфера. Мы хоть и конкурировали, боролись за звание любимчика, но всё равно дружили и помогали друг другу. Мама приходила в один из новогодних дней на спектакль, ей очень понравилось. Аплодисменты и выходы на поклон укрепляли уверенность в себе, я ощущала себя частью интереснейшей актёрской жизни, я чувствовала себя великолепно в этой среде. Но зимняя сказка закончилась, вокалисты с «Фабрики» давали последний отчётный концерт. Помещения в кинотеатре, которые выделялись под наши занятия, были переданы на другие нужды и все проекты завершились. Мы вынуждены были разойтись в этой жизни.

Юность

В тринадцать лет я наиболее остро ощутила, насколько сильно хочу начать зарабатывать. Хотелось поскорее стать взрослой и самостоятельной, школа забирала львиную долю времени из-за уроков и многочисленных заданий на дом. С каждым днём я возмущалась внутри себя, почему нам за это не платят. Возникали потребности в косметике, хотелось купить крутые джинсы и не просить каждый раз у взрослых. Чтобы накопить на аудиокассету, нужно было тщательно следить за тратой денег, которые давали бабушки и дед или мама. Мне было стыдно за то, что я уже как будто взрослая, но всё ещё вынуждена быть на попечении у мамы. Хотелось помогать, а не быть обузой.

В восьмом классе в школе стали распространяться каталоги с косметикой. Одна из моих одноклассниц начала работать в одной из этих фирм. Мне ещё не исполнилось четырнадцать и своего паспорта у меня не было. После уроков я вызвалась пойти к менеджеру своей одноклассницы, чтобы посмотреть, как устроен этот бизнес. Схема оказалась проста: чем больше клиентов и косметики будет за месяц, тем выше процент дохода. Клиентов можно было искать где угодно, от меня требовался паспорт, которого не было. Поговорив дома с мамой, я попросила её оформить документы, чтобы я могла попробовать. Мама испугалась ответственности, она не доверяла мне, боясь оказаться в долгах по моей вине. Доводы, что я справлюсь, смогу и мы ничего не теряем, оказались бесполезными. Тем временем я видела, как другие понемногу осваивают сферу сетевого маркетинга, продолжая учёбу в школе. Каталоги с косметикой привлекали настолько, что от покупки сложно было удержаться. В один из дней я вытащила мамин паспорт из папки с документами и пошла к менеджеру сказав, что мама всё-таки одобрила моё желание поработать. Мама ничего не подозревала, пока не пришла первая посылка с косметикой на её имя. Конечно, был скандал. Но я дала слово, что соберу оплату со всех заказчиков и у меня всё получится. В первые месяцы мама контролировала каждую оплату, чтобы не было ни единой просрочки. А я тем временем наращивала количество клиентов и радовалась своим заработанным деньгам. У меня не было должников или недовольных покупателей, с этой косметикой я работала не меньше семи лет, обеспечивая себя деньгами и товарами.

Старшая школа

Окончив девятый класс, не все мои одноклассники решили продолжать учёбу в школе. Кто-то выбрал поступление в колледж, и наши классы перемешались, учеников объединили в три коллектива. Моя лучшая подруга осталась в школе, мы продолжали крепко дружить, нам обоим нравились парни из старших классов. Это обстоятельство несомненно добавляло ярких красок в каждый новый день, и появляться в школе было намного интереснее. Мы выросли, случайные встречи на переменах с объектами любви вызывали бурю эмоций. Мы обсуждали каждый взгляд, каждое маленькое событие и очень волновались, если происходило какое-то взаимодействие типа приветствия или случайной фразы. О свиданиях мы и не мечтали, это были первые чувства, притяжение к противоположному полу, основанное только на симпатии общему внешнему образу. Старшеклассники казались намного привлекательнее, чем парни, учившиеся с нами в одном классе. Те уже готовились к выпускному и казались очень взрослыми и крутыми.

В один из обычных школьных дней наша с подругой связь оборвалась. Глупо и внезапно. Причиной стала обычная перепалка, раздутая после до полного разрыва наших отношений. Не обошлось без третьих лиц. Мне хотелось помириться, я дорожила нашими отношениями и не могла поверить, что из-за какой-то глупой фразы можно перечеркнуть годы дружбы. Нас пытались помирить и классный руководитель, и одноклассницы, но она не захотела. Чуть позже я начала общаться с другой девочкой. До объединения все школьные годы мы учились в параллельных классах и стали тесно общаться только после этой ссоры. По сей день это моя лучшая «боевая» подруга, с которой мы проходим жизнь, делимся и плохим, и хорошим, словом, всем, что преподнесёт судьба.

Помимо заработка с помощью косметики, я начала заниматься современными танцами в одной из самых известных школ в нашем городе. Основной состав всегда выступал на городских мероприятиях, их подготовка не уступала столичной. Яркие костюмы, современные постановки захватывали меня, каждый раз, затаив дыхание, я смотрела на их выступления и мечтала оказаться среди них на сцене. Я могла сама оплатить абонемент, купить какую-то одежду, чувствовала уверенность в своих силах. Тренировки затмевали все остальные сферы жизни, здесь мы самовыражались и дружили, соперничали, и не всегда по-доброму шутили. Все танцоры самолюбивы и обидчивы, как любой артист. Особенно остро воспринималась критика от нашего руководителя, он мог высмеять любого на глазах у всех, и это казалось не так страшно и даже смешно ровно до тех пор, пока не касалось лично тебя. Добрые шутки сменялись жёстким сарказмом, который не каждый подросток способен выдержать. На одной из тренировок проверка коснулась и меня. В тот день я пришла с высокой температурой, но танцы были важнее всего на свете. Он вызвал меня и ещё одну девочку на так называемую «первую линию», мы обе плохо станцевали изученную связку. Опозоренные, мы вернулись на свои места. После этого продолжать заниматься мне уже не хотелось. В то время на верхнем этаже один парень, ранее танцевавший в этом коллективе, организовал свою школу танцев. От него всегда исходила положительная добрая энергия, в один из дней я решила перейти к нему. Мгновенно ощущалась огромная разница в манере преподавания, в атмосфере внутри зала и между учениками. Шутки никого не обижали, в раздевалках мы сумели подружиться намного быстрее. Пропало чувство, что здесь каждый за себя, наша группа была единым сгустком позитива. Перед отчётным концертом мы тренировались чаще, оттачивая каждое движение, Илья неустанно нас подбадривал, танцевал вместе с нами сотни раз, доводя нашу группу до идеальной синхронности. Вне тренировок мы придумывали костюмы, разрезали джинсы, нашивали на них яркие детали. Мы собирались с девочками, менялись идеями, в то время начиналась

мода на неоновую рваную и потёртую одежду. Чем больше как бы случайных дыр на костюме, тем лучше. Мы покупали наждачную бумагу, канцелярские ножи, нещадно рвали джинсы, пришивали яркие нитки и шнурки, покупали краску в баллончиках, блёстки для покраски одежды и лица. Концерт стал для нас знаковым и незабываемым событием. Вскоре после этого многие из нашего коллектива стали посещать ночные клубы с очень хорошей, необычной для нашего города музыкой. Для нас это было начало клубной ночной жизни. По возрасту не все из нас дотягивали до совершеннолетия, но, при большом желании, мы могли попасть на ночную вечеринку.

Стиль нашей танцевальной группы отвечал самым современным веяниям в клубной культуре, почти все со временем стали посещать тусовки, и кто-то остался и погрузился в эту сферу, а кто-то выбрал другой путь и по мере взросления совсем изменил предпочтения. В нашем коллективе так же существовал основной состав с сильной подготовкой, несколькими заученными наизусть номерами и красивыми костюмами. Они выступали на большинстве городских праздников, в ночных клубах и даже гастролировали по другим городам. Почти все из этих ребят танцевали аниматорами в ночных клубах, однажды Илья пригласил меня и мою подругу по танцам выступать в клубе на сцене. Мы просто визжали от восторга и не верили своему успеху. Ночами мы придумывали и шили костюмы, с нетерпением ждали нового вечера и тренировки, а потом ночи в клубе. Мы не пили алкоголь и не курили сигареты, тем более не было места другим наркотикам. У Ильи никогда не было таких привычек, и он не пропагандировал это среди танцоров. Наша любовь к клубной культуре основывалась на любви к современному танцу и свежей классной музыке.

Актёрские пробы

Летним днём на прогулке в центре города я случайно натолкнулась на Юрия Сергеевича. Мы мгновенно узнали друг друга. Он совсем не изменился, а я точно стала взрослее со времён постановки «Двенадцати месяцев». Юрий Сергеевич изучал меня, как в нашу первую встречу на прослушивании. Он с интересом слушал о моей жизни, об учёбе и танцах, всматривался в моё лицо и в его глазах я видела, что у него зарождается какая-то мысль.

Он по-прежнему служил в нашем театре и рассказал мне, что вскоре будет набирать группу по актёрскому мастерству. Я загорелась вновь перспективой оказаться на сцене и прикоснуться к волшебному театральному миру и конечно, с благодарностью приняла приглашение. В этом кружке преподавали ведущие актёры нашего городского театра. Занятия проходили в здании театра. Несколько раз в неделю мы обучались актёрскому мастерству, вокалу, хореографии, занимались постановкой речи и голоса. По воскресеньям занятия длились почти целый день, наш коллектив был очень дружный.

Здесь не оказалось никого, с кем я играла в той сказке. Может быть, те ребята выбрали другой путь. Воздух в театре был особенным, здание старое, но в нём поддерживалась идеальная чистота. Бетонные лестницы для персонала, ведущие в гримёрки, деревянные полы и паркет в залах, портьеры, собранные в элегантные складки, широкие ковровые дорожки – всё будто кадры из фильмов. Коридоры днём таинственно молчали, а по вечерам наполнялись гулом разговоров пришедших на спектакль людей. Мы чувствовали себя частью тайного мира, куда не мог проникнуть посторонний человек. Каждый предмет, будь то обычный стул, превращался в средство для этюда. Мы переодевались и на каждый урок приходили, как на праздник, с радостью выполняли задания, искренне дружили и ценили каждую минуту вместе. Без сомнения, это время много значило для меня. Параллельно этому, я училась в школе, работала с косметикой и занималась современными танцами. Времени на бесцельное шатание по двору или на телевизор у меня не было, я приходила домой, чтобы выучить уроки, поесть, пообщаться с кошкой и немного отдохнуть. Моей энергии хватало на всё, потому что я горела желанием успеть многое. По окончании одиннадцатого класса у меня состоялся разговор с Юрием Сергеевичем. Он советовал мне поступать в театральный институт подальше от родины, чтобы не застрять в провинциальном театре. Он видел и считал, что я способна достичь больших высот. Пожалуй, только он и его неоспоримый опыт вселяли в меня такую уверенность в себе. Я внимала его словам, обдумывая и взвешивая свои возможности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.